***М. А. Южанин***

# ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ

ЮЖАНИН Максим Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (e-mail: ioujanin@mail.ru).

***Аннотация.*** *В предлагаемой статье рассматривается этнонациональная политика государства в полиэтническом обществе, ее социальная направленность и значение, основные типы и их характеристики.*

***Ключевые слова:*** *государственная этнонациональная политика, геноцид, сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм, глобализация, межэтнические и межкультурные отношения, право наций на самоопределение, этническая идентификация.*

Основополагающим фактором оптимизации межэтнических взаимодействий в рамках каждой полиэтнической нации, в том числе и российской, и всего мирового сообщества становятся выработка и реализация конструктивной государственной этнонациональной политики. Последняя являет собой совокупность установленных государством и воплощаемых в жизнь правовых норм и административных действий, которые выражают отношение государства к различным этническим общностям (и их культурным фреймам), представленным на его территории, определяют социально-правовой статус каждой из них и закрепляют некий официальный порядок межэтнических интеракций. Главными структурными компонентами этнонациональной политики считаются: идеологический (признанная государством общая концепция этничности, межэтнических отношений, этносоциальной стратификации), юридический (закрепление официальной идеологии в законодательстве и иных нормах права), административно-практический. В качестве особого направления государственной этнонациональной политики мы рассматриваем иммиграционную политику властей, определяющую характер взаимодействия принимающего социума и прибывающих в страну иноэтнических (иностранных) субъектов.

Как отмечают специалисты[1], в ходе общественно-исторического развития народов и государств сформировались четыре главных типа государственной этнонациональной политики: геноцид, ассимиляция, сегрегация и мультикультурализм. Примечательно, что они напрямую соотносятся с выделенными ранее поведенческими стратегиями межэтнического (межкультурного) взаимодействия. Геноцид — возникает в ситуациях, когда государство и стоящее за ним этносоциальное сообщество (этническое большинство), используя свои экономические, политические, технологические и военные ресурсы, уничтожают представителей иных этнических или культурных групп (меньшинств), с которыми они вступают в контакт. В оправдание обычно выдвигается тезис о расовой, антропологической, социокультурной или психической неполноценности группы, подвергающейся уничтожению. Это часто случалось в истории в результате так называемых «великих завоеваний». В новейшее время геноцид может возникать как результат или следствие мировых и локальных войн, конфликтов (наиболее известные примеры — геноцид армян в Османской империи в 1915-1917 гг., нацистский геноцид евреев, цыган и других народов, геноцид этнических меньшинств в Руанде в 1994 году). В социально-психологическом плане геноцид — это выражение предельной интолерантности (нетерпимости) к иному образу жизни, принципам и стремлениям, другой «картине мира» (этнической и культурной) вплоть до физического уничтожения ее носителей. В основе подобной нетерпимости обычно лежат внутренние социальные проблемы самих сообществ-агрессоров, а геноцид становится своеобразным (крайне деструктивным и малоэффективным) способом их решения.

Ассимиляция — тип этнонациональной политики и межэтнических взаимодействий, предполагающий поглощение одних культур и этнических общностей другими. Это происходит, когда этнокультурная группа добровольно или вынужденно принимает все ценности, нормы, жизненные стили и способы коммуникации доминирующей культуры. После нескольких поколений такой ассимиляции члены группы меньшинства имеют тенденцию становиться культурно и даже физически неотличимыми от представителей этнонационального большинства, что приводит к фактическому исчезновению миноритарных этнокультурных фреймов. Ассимиляционистская политика плавильного котла длительное время была характерна даже для такого «оплота свободы и демократии» как США.

В социально-психологическом и идеологическом плане принудительная ассимиляция — это проявление более «мягкого» варианта интолерантности к иной культуре или народу, когда от их представителей требуется полностью отказаться от своих «корней» и «раствориться» в доминирующем

[1] См.: *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М., 1999. — С. 226.; Этничность и власть в полиэтничных государствах. — М., 1994. — С. 48.

этносе. При этом в массовое сознание нередко внедряются идеи о неполноценности, отсталости этнических меньшинств, необходимости их уничижения и самоуничижения вплоть до самоненависти. Здесь работает тот же психологический механизм неприятия другой «картины мира», которая несет в себе угрозу сомнения в правильности и универсальности собственных социокультурных атрибутов, угрозу позитивности образа «мы», поэтому всех «других» нужно сделать «своими». Добровольная ассимиляция, цель которой выжить и успешно адаптироваться среди «других», продиктована стремлением самих этнических меньшинств социально и психологически защититься от возможной агрессии, отторжения или депривации путем вхождения в более массовое и сильное «мы», что укрепляет его позитивный образ и высокий статус.

Сегрегация — пример изолированного, раздельного существования этнических (расовых, конфессиональных, языковых) общностей и культур в одной стране. Реализация подобной политики обычно связана со стремлением государства (этносоциального большинства и его господствующих групп) понизить социальный статус меньшинств, максимально вытеснить их на периферию общественной жизни, изолировать и ограничить политические, экономические, социальные и культурные права и возможности. В новейшее время примеры сегрегации мы находим в истории США и ЮАР, в современных Латвии и Эстонии, разделивших собственное население по этнокультурному признаку на полноправных граждан и многочисленных неграждан, подвергающихся систематической дискриминации.

Вместе с тем, стремление к изоляции может исходить и от самих групп меньшинств, пытающихся полностью сохранить свою социокультурную самобытность и избежать какого-либо влияния со стороны доминирующей культуры. В целом же, с идеологической и социально-психологической точки зрения сегрегация являет собой несколько больший прогресс в плане организации межэтнического взаимодействия. Этносоциальные общности в принципе «допускают» существование других культурных и этнических групп, с иным, свойственным им видением мира, но как бы «на расстоянии», максимально ограничивая контакты с ними.

Таким образом, перечисленные выше модели этнонациональной политики «решают» проблему контакта между культурно различными народами либо путем уничтожения людей, отличных от доминирующего этноса (геноцид), либо путем ликвидации отличающейся культуры (принудительная ассимиляция), либо посредством отказа от самих контактов с иными социально-культурными группами (сегрегация). Другими словами, эти общественно-политические практики стремятся преодолеть многочисленные трудности межэтнического и межкультурного взаимодействия исключительно контрпродуктивными (деструктивными и антигуманными) методами. Разумеется, сегодня подобные подходы должны считаться неприемлемы-

ми, и это официально закреплено в действующих нормах международного права. В связи с этим, потребовалось формирование принципиально нового типа этнонациональной политики, позволяющего различным этническим общностям мирно сосуществовать в одном социально-территориальном пространстве, сохранять свою культурную отличительность, развивать конструктивное общение между собой и получившего название мультикультурализм.

Уже само понятие мультикультурализм демонстрирует, что соответствующая политика направлена на достижение консенсусного сосуществования, равенства и партнерства множества различных этнических групп и культур в одной стране. В этом случае представителей меньшинств не уничтожают, не загоняют в гетто и не «бросают» в плавильный котел, а «шьют» из этнокультурных сообществ пестрое лоскутное одеяло, и на государственном уровне осуществляется социальная поддержка интеграции и натурализации иммигрантов. Идеологической и социально-психологической основой этнонациональной политики мультикультурализма считается концепция общественной толерантности (данным термином изначально обозначалась терпимость, снисходительность к чужим недостаткам). Современная ее интерпретация представлена в Декларации принципов толерантности (утвержденной в 1995 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО и принятой в 1996 году Генеральной Ассамблеей ООН), предлагающей рассматривать толерантность следующим образом:

– «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира;

– толерантность — это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность — это, прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства;

– толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека;

– проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим»[1].

На национально-государственном уровне, подчеркивается в Декларации, толерантность требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм. Толерантность также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Отчуждение и маргинализация могут стать причиной состояния подавленности, враждебности и фанатизма. Для того, чтобы сделать общество более толерантным, государствам следует ратифицировать существующие международные конвенции о правах человека и, если это необходимо, разработать новое законодательство с целью более полного обеспечения этих прав[2].

Уточняя приведенную дефиницию, заметим, что толерантность, хотя и подразумевает принципиальную готовность к мирному сосуществованию и паритетному общению между весьма различными социальными субъектами, отнюдь не тождественна безграничному попустительству, вседозволенности и конформизму. Поэтому формирование толерантных отношений в обществе совершенно не исключает разумное установление критериев и пределов допустимого поведения и решительную борьбу с проявлениями деструктивной, антисоциальной и антигуманной активности. В то же время, как справедливо отмечает академик В. С. Степин, нельзя сводить утверждение культуры толерантности, становление структур социального доверия и взаимного уважения к разработке и внедрению одних лишь социально-психологических установок, как бы важны они ни были. Проблема толерантности должна быть непременно вписана в реальный социально-экономический и политический контекст. Ведь следует учитывать многочисленные материальные факторы, порождающие нетерпимость, мешающие укреплению толерантности и доверия к политическим институтам[3].

---

[1] См.: Декларация принципов толерантности. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. A/51/201. 10.VI1.1996.

[2] См.: Международные отношения: социологический подход. — М., 2002. — С. 56. Проект Российская пресса: учимся освещать проблемы мультикультурализма // www. grani.ru.

[3] См.: Дилеммы глобализации: социумы и цивилизации, иллюзии и риски. — М., 2002. — С. 259.

Таким образом, реализация идеологии и общественной практики толерантности в рамках политики мультикультурализма в идеале предполагает содействие (государства и других социальных субъектов) равноправному развитию в одной стране различных этнических культур, адаптацию социальных институтов общества к потребностям разных этнокультурных групп, преодоление структурной дискриминации по этническому (этнокультурному) признаку во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при получении образования, трудоустройстве, социальной мобильности и т. п. В итоге каждому гражданину мультикультурного государства, вне зависимости от его этнической или конфессиональной идентичности, должна быть гарантирована возможность свободного и полноценного социального и культурного развития. В то же время необходимо учитывать, что подлинная эффективность мультикультурализма предполагает не только достижение мирного сосуществования в одной стране вариативных этнокультурных групп (способного трансформироваться и в непрочный «конгломерат» сепаратно развивающихся сообществ), но и активизации межкультурной интеграции, консенсусного межэтнического общения и взаимодействия. Более того, только ориентация на совместную консолидацию различных этногрупп в единое гражданское общество (и соответствующую ему «системную» культуру) может сделать мультикультурализм действенным гарантом стабильности существования и перспективности развития полиэтнического государства – нации.

К сожалению, мультикультуралистская модель этнонациональной политики является не только наиболее конструктивной и перспективной, но и самой сложной и трудоемкой (в плане своей практической реализации). Впервые мультикультурализм был провозглашен официальной государственной политикой[1] в начале 1970-х годов в Канаде и Австралии. На сегодняшний день во многих странах мира (в первую очередь западных) сформировались различные вариации соответствующей общественно-политической практики. Не вдаваясь в лишние подробности[2], отметим наиболее общие и особо значимые черты именно реального мультикультурализма.

Прежде всего, обращает на себя внимание функционалистский и весьма прагматический характер политики мультикультурализма («политики различия»). Каждый раз ее официальное утверждение было призвано разрешить вполне определенные этносоциальные противоречия и проблемы и стабилизировать общественную ситуацию в соответствующих

[1] Возникновение же теоретических оснований мультикультурализма связывают с появившейся в 1916 году концепцией культурного плюрализма американского обществоведа Г. Каллена. См.: Salins P. D. Assimilation, American style — multiculturalism and ethnic relations // www.findarticles.com.

[2] См.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. — М.: Изд-во ИФ и ИЭА РАН, 2002. — С. 124.

странах. Так, в канадском случае это было продиктовано опасностью квебекского сепаратизма. Объявляя основной целью своей политики построение мультикультурного — но, подчеркнем, не мультинационального — общества, канадские власти пытались, с одной стороны, нейтрализовать сецессионистские устремления франкофонного Квебека, а с другой — смягчить обеспокоенность англоязычного большинства относительно национально-государственной целостности страны. В австралийском случае официальное введение мультикультурализма было вызвано главным образом необходимостью массового привлечения иммигрантов (из Юго-Восточной Азии и других регионов) с целью устранения неблагоприятных демографических и социально-экономических трендов развития.

В Соединенных Штатах широкое распространение мультикультуралистской риторики связано с такой особенностью американского публичного дискурса, как невнимание к социально-классовому анализу, с тенденцией сводить все общественные противоречия к противоречиям «ментальностей»; отсюда преувеличенное значение, придаваемое культурной и психологической гармонизации, консенсусу, лучшему взаимопониманию и т. д. Прагматический характер мультикультуралистского дискурса прекрасно демонстрирует Германия: первыми адептами и лоббистами мультикультурализма здесь выступили представители промышленного капитала — крупные «хозяйственники», озабоченные ухудшением ситуации на рынке труда (опять-таки вызванной слабым притоком свежей рабочей силы). Известно, что заслуга введения терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» в немецкоязычном пространстве принадлежит Лайнеру Гайсслеру, крупному функционеру ХДС/ХСС.

Другими отличительными чертами распространяющейся по миру политической практики мультикультурализма стали ее либеральная направленность, признание безусловности и первоочередности (фундаментальности) культурных различий между любыми этническими (расовыми, конфессиональными) общностями и отстаивание почти неограниченных прав и свобод этнических (расовых, конфессиональных, языковых) меньшинств как компенсации за предшествующую дискриминацию и депривацию последних. В то же время фактические социальные последствия осуществления такой этнонациональной политики во многих случаях оказались весьма далеки от обозначенных ранее высоких идеалов. В частности, в странах Северной Америки, Западной и Северной Европы либеральный мультикультурализм начал существенно подрывать основы национально-государственного единства и стабильности. Как ни странно, при этом совпали несущие в себе немалый деструктивный потенциал позиции либералов и миноритарных этнонационалистов. В результате, под

сомнение оказались поставлены обоснованность и необходимость существования в государстве системной национальной культуры, базового (государственного) языка, единого образовательного, коммуникационного и даже правового пространства. Взамен фактически предлагалось формирование крайне децентрализованного и неустойчивого множества разнородных социокультурных и политико-правовых единиц с соответствующими этносоциальными элитами во главе. В социально-экономической же сфере характерным атрибутом западного мультикультурализма стало осуществление политики «позитивного действия» по отношению к расовым и этническим меньшинствам (в том числе образуемым иммигрантами), что означало установление для них целого ряда социальных пособий, льгот, преференций и квот (при приеме в вузы, при трудоустройстве, занятии определенных престижных должностей, политическом представительстве и др.). Изначально подобный курс рассматривался в качестве временной меры. Предполагалось, что как только дисбаланс в распределении ресурсов и власти будет несколько выровнен, настанет время вернуться к либеральным нормам общежития, в основу которых заложен идеал формального равенства и, соответственно, индифферентность к этническим и расовым различиям. Но постепенно выяснилось, что отказаться от осуществления данной политики (даже учитывая неоднозначные оценки ее эффективности) крайне сложно. Представители меньшинств, для которых «позитивное действие» означало ощутимые преимущества на рынке труда и образования, категорически воспротивились свертыванию этой практики. Такое положение дел закономерно вызвало недовольство этносоциального большинства и общее увеличение конфликтогенного потенциала межэтнических и межрасовых отношений. В целом же, сегментирование (сегрегация) общества и социальной инфраструктуры по этнолингвистическому, расовому и конфессиональному признакам в странах победившего мультикультурализма не только не исчезло, но фактически обрело новую жизнь. Однако даже публичное обсуждение этой проблемы оказалось затруднено в связи с господством идеологии политкорректности, отнюдь не тождественной толерантности и, по сути, требующей замалчивания и попустительского отношения к негативным социальным явлениям и действиям (особенно со стороны меньшинств) вместо их реального устранения.

Таким образом, приходится констатировать, что не каждый вариант общественно-политической практики мультикультурализма обладает созидательным потенциалом развития всестороннего и консолидационного межрасового, межэтнического, межкультурного взаимодействия в том или ином государстве и во всем глобализирующемся мире. Отметим еще раз: по-настоящему конструктивный мультикультурализм должен не только способствовать сохранению этнокультурного многообразия и нала-

живанию межгруппового диалога, но и формировать единое культурно-коммуникативное пространство (носящее интегративный, надэтнический, надконфессиональный и др. характер) и общую идентичность различных людей как граждан одной страны или как жителей одного планетарного Дома.

## Список литературы

*1. Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М., 1999.

2. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. — М.: Изд-во ИФ и ИЭА РАН, 2002.

*3. Сингер Б. Дж.* Демократическое решение проблем этнического многообразия // Вопросы философии. — 1994. — № 6.

4. Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. I. (Second Part). — United Nations, New York, Geneva, 1997.

© Южанин М. А., 2011